

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭТНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РУССКОГО НАРОДА

В. Мавродин*

Вопрос о происхождении славян и, в частности, восточных славян — русских — в советской литературе освещён достаточно широко работами Н. С. Державина¹, П. Н. Третьякова², А. Д. Удальцова³, М. И. Артамонова⁴, М. А. Тихановой⁵, Б. А. Рыбакова⁶, А. В. Арциховского⁷, И. И. Ляпушкина⁸, Т. А. Трофимовой⁹ и др. Но дальнейшим этапам этнического развития восточного славянства до сих пор не уделялось почти никакого внимания.

В передовой статье журнала «Вопросы истории» справедливо указывалось, что «нельзя изучать историю русского централизованного государства оторванно от проблемы складывания русской (великорусской) народности». Эта проблема принадлежит к числу первоочередных, и решена она «может быть только совместными силами советских историков, языковедов, этнографов»¹⁰. Отмечая значение этнографии в изучении проблем этногенеза, С. А. Токарев в статье «К постановке проблемы этногенеза» пишет: «Проблемы этногенеза — происхождения отдельных народов — принадлежат к числу самых интересных, но и самых сложных проблем этнографии»¹¹.

С этим трудно не согласиться; и, тем не менее, мы до сих пор почти не имеем работ историков, лингвистов, этнографов, археологов, антропологов, в которых нашли

* Ленинградский Государственный ордена Ленина университет имени А. А. Жданова.

¹ Н. Державин. Об этногенезе народов Днепровско-Дунайского бассейна («Вестник древней истории». Т. I. 1939); его же. Происхождение русского народа. М. 1944; его же. Славяне в древности. М.-Л. 1945.

² П. Третьяков. Восточнославянские племена. М.-Л. 1948.

³ А. Удальцов. Проблема происхождения славян в свете современной археологии («Вопросы истории» № 2 за 1949 г.); его же. Теоретические основы этногенетических исследований («Известия Академии наук СССР». Серия истории и философии. № 6 за 1944 г. Вып. I).

⁴ М. Артамонов. Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси («Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК». Т. VI. 1940).

⁵ М. Тиханова. Роль Западного Причерноморья в сложении культуры Поднепровья и Поднепровья первых веков н. э. («Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК». Т. VIII. 1940); её же. Культура западных областей Украины в первые века н. э. (Сб. «Этногенез восточных славян». Т. I. «Материалы и исследования по археологии СССР» № 6).

⁶ Б. Рыбаков. Анты и Киевская Русь («Вестник древней истории» № 1 за 1939 г.); его же. Радзимичы («Працы. Археологічнай Камісії БАН». Т. III. Минск. 1932); его же. Поляне и северяне («Советская этнография». Т. VI—VII. М.-Л. 1947).

⁷ А. Арциховский. В защиту летописей и курганов («Советская археология». Т. IV. 1937); его же. Введение в археологию. М. 1947.

⁸ И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X вв. («Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК». Т. XII); его же. О датировке городищ Роменско-Боршевской культуры («Советская археология». Т. IX. 1947); его же. Из истории Левобережной Украины в эпоху железа («Советская археология». Т. XI. 1949).

⁹ Т. Трофимова. Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии («Советская этнография» № 1 за 1946 г.); её же. Краниологические данные к этногенезу западных славян («Советская этнография» № 2 за 1948 г.).

¹⁰ «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., стр. 9.

¹¹ «Советская этнография» № 3 за 1949 г., стр. 12.

бы отражение вопросы этнического развития восточного славянства, выходящие за пределы проблемы происхождения славян, хотя в работах И. В. Сталина по национальному вопросу имеются ценнейшие указания не только для решения общеметодологических задач, но и для конкретных исследований.

Данная статья представляет попытку дать анализ этнического развития восточного славянства в различные периоды: в период распада первобытно-общинных отношений и возникновения классового общества, в дофеодалный период истории Руси; во времена Киевского государства; в период феодальной раздробленности,— а также поставить проблему складывания русской (великорусской) народности и нации.

Мы не претендуем на разрешение проблемы и предлагаем лишь предварительную схему, рабочую гипотезу, материал для обсуждения — не больше. Притом мы касаемся вопроса об этническом развитии уже исторического восточного славянства.

Высшая ступень варварства, эпоха «военной демократии», в которую вступают славянские племена накануне «великого переселения народов», знаменуется образованием крупных племенных союзов и межплеменных языков, образованием варварских государств и народов (народностей) как нового, более высокого этапа этногенеза¹. Это период дальнейшего сближения славянских племён, а следовательно, и славянских языков².

Этот период характеризуется значительными перегруппировками среди славянских племён и их смешением. Следы такой их перегруппировки, передвижений и скрещений является наличие в разных местах, отделённых друг от друга тысячами километров, одноимённых славянских племён (кривичи, северяне, дреговичи в Восточной Европе и на Балканах, поляне на Днестре, в Познани и в Болгарии, дулебы на Руси, в Чехии и Словении и т. д.), а также несовпадение границ некоторых языковых особенностей и границ современных восточно-южно- и западнославянских языков.

Но процесс этногонии не прямолинеен и не ограничивается столбовой дорогой интеграции. А. Д. Удальцов справедливо отмечает, что «примером упрощенчества является сведение процессов этногенеза исключительно к явлениям объединения, этнической интеграции, к принципиальному отрицанию всякой возможности этнической дифференциации», ибо «этнический процесс является синтезом этих двух тенденций, при котором движение от множественности к единству является лишь главным, определяющим, ведущим процессом»³.

С IV—V вв. начинается и в VI в. интенсивно протекает процесс дифференциации славянских племён, их расчленение и расселение, связанные со включением славянства в «великое переселение народов». Ф. Энгельс, говоря, что в VI веке передвижения народов приостановились, отмечал: «Речь идёт о германцах, но не о славянах, которые и после них ещё долгое время находились в движении. Это были подлинные переселения народов. Целые народности или, по крайней мере, значительные их части отправлялись в дорогу с жёнами и детьми, со всем своим имуществом»⁴.

Но и в этот период идёт процесс интеграции, ассимиляции и скрещений. К этому времени относится распад славянства на три ветви: восточную, южную и западную, — причём первые две ещё долгое время сохраняют следы своей бывшей взаимной близости⁵.

Восточное славянство той поры делится на две группы: юго-западную, известную под названием антов, и северо-восточную, — причём лесные отсталые племена носят

¹ См. С. Толстов. К вопросу о периодизации истории первобытного общества. «Советская этнография» № 1 за 1946 г., стр. 29—30; Л. Якубинский. Образование народностей и их языков. «Вестник Ленинградского университета» № 1 за 1947 год.

² См. А. Арциховский. Культурное единство славян в средние века. «Советская этнография» № 1 за 1946 год.

³ А. Удальцов. Теоретические основы этногенетических исследований. Указ. изд., стр. 264.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 344.

⁵ См. А. Арциховский. Культурное единство славян в середине века. «Советская этнография» № 1 за 1946 г., стр. 89.

в себе элементы древнего этно субстрата и близки по культуре и быту племенам, из которых в дальнейшем сложатся племена балтийских и финно-угорских языков.

Древние восточные славяне — анты, занимавшие территорию от Карпат до среднего Днепра и на юге до Прута и Дуная, — стояли на грани первобытного и классового общества, на пороге цивилизации, в преддверии государства. Первые упоминания о политической истории антов связаны с борьбой антского вождя Божа (Боза) и других антских вождей с готским вождём Винитаром (Витимиром), относящейся, по свидетельству историка готов Иордана, к 70-м годам IV века.

Первый период истории славян и антов нашёл отражение в сочинениях Прокопия, Маврикия, Иордана, Менандра и Иоанна Эфесского. Все они отмечают большое количество племён славян и антов, отсутствие у них единовластия, наличие множества вождей, которые то находятся в союзе, то враждуют друг с другом. С течением времени племенные объединения антов становятся более длительными и прочными. По свидетельству Менандра, в VI в. анты в борьбе с аварами объединялись под властью семьи Идара и его сыновей Межамира и Келагаста.

Далее наступает второй этап в истории антов. В борьбе с аварами в VI в. на Волинии (в Прикарпатье) создаётся мощное политическое объединение восточных славян-антов под руководством дулебов-волян. Память о борьбе антов с аварами была ещё свежа на Руси во времена «Повести временных лет» и сохранилась в виде записанного там народного сказания о дулебах и обрах.

Через восточных купцов этот рассказ дошёл и до арабских писателей. Племя ралинана, по сообщению арабского писателя X века Масуди, «к которому повиновались в древности все прочие славянские племена», «есть одно из коренных племён славянских». О племени влинкаба, которое «было... у них (у славян. — В. М.) почитаемым», говорит и Ибрагим-ибн-Якуб.

Нет сомнения в том, что «державз волян» была могущественным межплеменным объединением, прямым предшественником Киевского государства, хотя едва ли она сплотила антов в единый народ.

Следует отметить, что рассмотренные нами явления общественной жизни восточных славян имели место лишь на определённой территории — на юго-западе Руси. На севере, в лесной полосе, общественное развитие шло более медленным темпом, и в лесах к северу от рек Тетерева и Десны обитали сравнительно отсталые восточнославянские племена.

Если анты, вступив в эпоху «военной демократии», судя по вещественным памятникам и сведениям письменных источников, в IV в. н. э., так и сошли с арены политической истории всё в той же ипостаси «варваров», исчезнув со страниц сочинений раннего средневековья в начале VII в., то их потомки и родичи на среднем Днепре и на берегах Днестра и Волхова, Западной Двины и Оки в короткий срок прошли эпоху «военной демократии» и создали феодальное общественное устройство, развившееся вглубь и вширь на значительно более обширной территории, нежели та, которую Иордан и Прокопий считали землёй антов.

Поэтому, говоря о строе «военной демократии» у антов, мы имеем в виду лишь часть восточнославянских племён; когда же говорим о «военной демократии» по отношению к восточным славянам IX в., то имеем в виду все племена Руси, среди которых очень быстро прошёл процесс разложения первобытно-общинных отношений и возникновения феодальных, закончившийся утверждением феодального общества и государства.

Когда составлялась «Повесть временных лет», служащая теперь основным источником изучения расселения восточнославянских племён, многих племён уже не существовало, и на смену племенным объединениям пришли территориальные, политические. Исчезли к этому времени и племенные названия. Поэтому рассказом летописца о расселении русских племён удовлетвориться нельзя, — необходимо привлечь и другие источники.

Летописный рассказ подтверждают Константин Багрянородный, знавший русские племена древлян, уличей, северян, кривичей, дреговичей; Масуди и Ибрагим-ибн-Якуб, — знавшие дулебов и волян; «Географ Баварский», — упоминающий о волянах, бужа-

нах и улицах; хазарский царь Иосиф, — который в письме к учёному испанскому еврею Хасдаи-ибн-Шафруту называет вятичей и северян¹.

Сообщение летописца о расселении восточнославянских племён подтверждается данными археологии².

В VIII—IX вв. племенные объединения на Руси отходят в область предания. Древнее племенное название «дубебы» уступает место территориальному — «вольняне». Племена летописи — не просто племена, а чаще сложные межплеменные образования, поглощавшие и сплавливавшие в единую компактную массу мелкие собственно племена. Даже радимичи и вятичи, повидимому, сложились из таких мелких племён.

Ко времени составления «Повести временных лет» многие из мелких племён уже были забыты, поэтому у Константина Багрянородного мы находим неизвестное летописцу племя лензанинов, а у хазарского царя Иосифа — племя славину.

Названия ряда этих мелких племён с патронимическими окончаниями сохранил нам Географ Баварский (IX в.). Он был современником русских племён. К востоку от гаволян, морачан, сербов, чехов и болгар, кроме указанных выше, он помещает следующие племена: Clopeani, Sittici, Stadici, Nerivani, Attorozi, Eptaradici, Vuillerozi, Zabrozi, Znetalici, Aturezani, Chozirozi, Lendizi, Thafnezi. За ними следуют хазары, угры и другие тюркские и финно-угорские племена³.

Географ Баварский внимательно изучал славянский мир и его соседей, чтобы дать кому-то материал, который мог бы стать своего рода «Стратегиконом» для борьбы со славянами. Он писал труд для своих соотечественников — недружественных славянам — и потому интересовался числом славянских племён, количеством городов у каждого племени и т. д. Писал он, очевидно, на основе достоверных рассказов западнославянских и немецких купцов.

Большое количество названий с типичным патронимическим окончанием «чи», встречающееся в наших летописях, в сочинениях Географа Баварского и византийского императора Константина Багрянородного, заставляет нас прийти к выводу о многочисленности племён восточных славян.

В VIII — IX вв. в передовых землях Руси племенной строй отмирает, уступая место государству. Прежнее этнокультурное и языковое единство восточных славян дополняется единством политической жизни. Общественное развитие, результатом которого было создание Русского, Киевского, государства, вызвало большие изменения в этническом составе населения Восточной Европы.

Укрепление русской государственности, находившейся в руках варварской феодализирующейся, а позднее феодальной верхушки, имело огромное значение в формировании русского народа. Киевское государство объединило восточнославянские племена в единый политический организм, связало их общностью политической жизни, культуры, религии, способствовало появлению и укреплению понятия единства Руси и русского народа.

Развивавшиеся торговые связи между отдельными городами и областями Руси, установившиеся в результате хозяйничания и управления княжих «мужей» сношения между русским населением различных земель, расширение и распространение княжеской государственной и доменальной администрации, освоение княжой дружиной, боярами и их «отроками» всё новых и новых пространств, полюдьё, сбор дани, суд, переселения по своей инициативе и по воле князя, расселение и колонизация, совме-

¹ См. «Известия византийских писателей о Северном Причерноморье» (Известия ГАИМК. Вып. 91-й, стр. 10—16); «Землеписец Баварский» (между 876—890 гг.); П. Шафарик. Славянские древности. Т. II, кн. III, прил. XIX, стр. 70. М. 1848; А. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, стр. 135—137. СПб. 1870; А. Куник и В. Розен. Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах, стр. 46. СПб. 1878; Ф. Вестберг. К анализу восточных источников о Восточной Европе. «Журнал министерства народного просвещения». Т. III за 1908 г., стр. 19.

² См. А. Спицын. Расселение древнерусских племён по археологическим данным. «Журнал министерства народного просвещения». Т. VIII за 1899 г. А. Арциховский. В защиту летописей и курганов. «Советская археология». Т. IV за 1937 г. Б. Рыбаков. Радимичи. Указ. изд.; Поляне и северяне. Указ. изд.

³ См. П. Шафарик. Указ. соч., стр. 70.

стные походы и т. д. — всё это в совокупности разрушало первобытную языковую и культурную племенную и территориальную разобщённость.

В племенные и областные диалекты проникают элементы диалектов соседей, в быт населения отдельных земель — черты быта русского и нерусского «людыя» других мест и т. д. Речь, обычаи, нравы, быт, порядки, религиозные представления, сохраняя много своеобразного, в то же время приобретают общие черты, характерные для всей русской земли.

И так как «язык есть важнейшее средство человеческого общения»¹, то эти изменения в сторону единства в этнокультурном облике славянского населения Восточной Европы идут прежде всего по линии установления общности языка, поскольку язык является основой этнического образования. Этногония и глоттогония — различные стороны одного и того же процесса.

Положение В. И. Ленина о том, что язык есть важнейшее средство человеческого общения, не может быть понято иначе, как прямое указание на то, что в основе общности людей, т. е. их этнической общности, лежит язык. Ту же мысль мы находим и в классическом труде И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос», где в качестве первого признака нации приведена общность языка². В конце концов принадлежность человека или целого коллектива людей к той или иной народности определяется не антропологическими, расовыми признаками, не типом костюма и бытом, не типом оружия, архитектуры или домашней утвари, а прежде всего языком.

Нельзя полностью отождествлять процесс этногонии и глоттогонии, против чего предупреждает С. А. Токарев, но и нельзя отрывать их друг от друга³. Против такого разрыва всегда категорически протестовал Н. Я. Марр.

Приводимые С. А. Токаревым примеры того, что разные народы говорят на одном и том же языке или что языковая принадлежность и национальное самосознание не всегда совпадают, являются не правилом, а исключением⁴. Поэтому мы будем говорить об общности языка (отнюдь, конечно, не исключаяющей диалекты) и о национальном самосознании, имея в виду сознание единства всех людей, говорящих на данном языке, как о важнейших факторах, определяющих народ в качестве этнического понятия. Общность быта, общность материальной и духовной культуры, естественно, также играют большую роль в определении этнического единства.

Племенному быту на Руси соответствовали племенные языки. Каждый племенной язык восточных славян, имея ряд общих черт с другими племенными языками — «словенск язык на Руси», — в то же время отличался рядом особенностей, иногда весьма существенных. Изменения в общественной и политической жизни обусловили новый этап этногенеза и глоттогенеза. Вместе с объединениями племён формируются межплеменные диалекты, пёстрые и неустойчивые.

В период возникновения и развития Киевского государства начинается отмечаемое археологами и лингвистами схождение культуры, быта и одновременно диалектов. Развитие производительных сил в общественной и политической жизни восточного славянства вызвало перемены в его речи.

Ещё в племенных диалектах наблюдаются явления, свидетельствующие о развитии их в сторону некоего единства. Уже в древности, на самой заре русской государственности, со времени возвышения Киева, говор полян, «яже зовома Русь», впитавший в себя элементы языков славянского и неславянского происхождения, выдвигался в качестве общерусского языка.

В древней Руси, «стране городов», в IX—XI вв. в результате развития ремёсел и торговли и роста городов происходит процесс интенсивного выделения городского диалекта, носящего общерусский характер и отличного от пёстрых племенных диалектов, которые ещё долгое время сохраняются в деревнях. Язык горожанина, воина и прежде всего представителя полупатриархальной-полуфеодальной знати всё больше отличается от языка «сельского людыя». Горожане — ремесленники и воины, дружинная и купеческая верхушка — говорят на одном и том же языке в Киеве и Новгороде,

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 368. 4-е изд.

² См. И. В. Сталин. Соч. Т. 2, стр. 293.

³ См. С. Токарев. Указ. соч., стр. 23.

⁴ С. там же, стр. 22—23.

на Белозере и в Переяславле, на Оке и в Прикарпатье. В языке знати и горсжан сглаживаются особенности племенных диалектов.

Русская дружинная и купеческая верхушка, впитавшая в свой язык различные племенные элементы, не имевшая своим центром Киев, вырабатывает особый диалект, более сложный и богатый, нежели сельские диалекты,— диалект, в основу которого был положен язык «Руси», т. е. Киева, земли полян.

Так рождался общерусский язык, точнее, общий разговорный древнерусский язык¹. В создании общерусского разговорного языка, хотя и сохраняющего диалектные особенности, но, тем не менее, ставшего речью всей Русской земли, большую роль сыграли города, городское население.

Поездки «гостей», переселение ремесленников, «нарубание» воинов в разных уголках Руси, большая роль ополчений городов в военных предприятиях князей, когда князья с окружающими их дружинами ещё не замкнулись в военно-феодалную верхушку общества и были возможны и летописно-эпический Ян Усмошвец и былинный Илья Муромец, вышедшие из простого люда и ставшие дружинниками князя², поселения воинов разных племён на рубежах Русской земли — всё это свидетельствует о большой роли самих народных масс в складывании общерусского разговорного языка. Диалектные особенности в нём всё больше сглаживаются. Язык горожан одновременно с усложнением общественно-политической жизни усложняется, впитывая в себя специализированную речь воинов, духовенства и т. д., и начинает (в первую очередь язык «князя») влиять на речь деревенского населения, эволюционирующую в сторону русской общности.

Другим источником формирования общерусского языка был язык народного эпоса (песен, сказаний, былин), необычайно распространённого в древней Руси,— язык яркий и богатый, характерный отвлечёнными понятиями, стандартами и иными элементами эпоса, не известными речи деревенского населения, язык «боянов», «соловьёв старого времени».

Третьим источником был язык правовых документов и норм, язык деловой литературы, возникший ещё до Русской Правды, во времена «закона русского», если не раньше. Он вырос из разговорной речи, но специфика его, особое содержание и употребление главным образом социальной верхушкой сделало его наддиалектным³.

Этот язык знал письменность. Ею были те «роушкыи письмены», которые видел и Константин Философ (Кирилл) в Херсонесе во время своей хазарской миссии и Ибн-Фадлан — на Волге; те «черты и резы», которыми славяне в древности «чтяху» и «гадаху» (Черноризец Храбр) и которые мы можем наблюдать на костях, обломках глиняной посуды и в сочинении Ибн-Якуб эль-Недима; те письмена, которыми был записан «закон русский» и договоры Руси с Византией.

Теперь ни у кого не вызывает сомнений необходимость пересмотра вопроса о начале письменности на Руси. Русская письменность древнее письменности Константина Философа и Мефодия. Близкую ей письменность скорее всего надо искать на Кавказе, где (в Грузии) существовало письмо в некотором отношении близкое глаголице⁴. Письмена, которые видел Константин Философ в Корсуне, несомненно, были весьма схожи с глаголицей, если не являлись ею. Но мы не знаем, создан ли в период существования этой письменности древнерусский литературный язык, появив-

¹ См. Ф. Филин. Очерки истории русского языка до XIV столетия. «Учёные записки» Педагогического института имени А. И. Герцена. Т. XXVII. Ленинград. 1939; В. Виноградов. Основные этапы истории русского языка. «Русский язык в школе» № 3 за 1940 год.

² Из этого вовсе не следует признание их исторически реальными личностями. В памяти народа сохранилось воспоминание о временах, когда такого рода эволюция простого воина была возможна.

³ См. А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка. Ч. 1-я. Пгр. 1918; его же. Древнейшие судьбы русского племени. Петроград. 1916; Ф. Филин. Очерки истории русского языка до XIV столетия; В. Виноградов. Основные этапы истории русского языка.

⁴ См. Е. Эпштейн. О времени происхождения русской письменности. «Учёные записки» Ленинградского университета. Серия исторических наук. Вып. 15. 1948; П. Черных. К истории вопроса о «русских письменах» в житии «Константина Философа». «Учёные записки» Ярославского педагогического института. Вып. IX (XIX). История СССР. 1947.

шийся задолго до принятия христианства. Вероятно, он уже начал складываться, так как проникший на территорию древней Руси в качестве языка богослужений и «книжности» древнецерковно-славянский язык не смог стать единственным языком древнерусской письменности.

Поэтому уже в XI в. оформился древнерусский литературный язык, в основу которого лёг древнерусский разговорный язык, слегка окрашенный языком древнецерковно-славянской письменности. Питающей средой древнерусского литературного языка были диалекты восточных славян, отчасти древнецерковно-славянский язык, в который входили элементы языков народов Средиземноморья. Этим объясняются исключительное богатство древнерусского литературного языка, высокий уровень его развития, богатство стилистики и семантики¹.

Такова начальная стадия русского языка; одного «из самых сильных и самых богатых живых языков»². Русский язык той поры был речью всех восточных славян. Это была своего рода восточнославянская речь киевской поры, поры древнерусского государства,— древнерусская речь. Итак, налицо первый фактор, определяющий собой единство русского народа,— язык.

Остановимся, далее, на сознании единства русского народа. Достаточно беглого взгляда на наши источники — летописи, литературные памятники, предания, отражающие идеологию различных социальных слоёв того общества, чтобы убедиться, насколько развито было у наших предков чувство единства народа, чувство патриотизма, любви к родине, насколько большое, всеобъемлющее понятие вкладывали они в слово «Русь», «Русская земля».

Яркими памятниками древнерусского патриотизма, отражающими чувство самосознания русского народа, являются «Повесть временных лет» («Откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первое княжить, и откуда Русская земля стала есть»), «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона, «Память и похвала» Иакова Минха, «Слово о полку Игореве» и другие произведения древнерусской литературы. Сознание единства является великим вкладом киевского периода в историю всех трёх братских славянских народностей Восточной Европы, имевших одного общего предка — русский народ времён Владимира, Ярослава и Мономаха.

В то же время формируется единство материальной и духовной культуры, единство склада жизни на пространстве от Перемышля и Берладя, от Прящева и Ужгорода, от Малого Галича и Белца до Муром и Рязани, Ростова и Владимира, от Ладоги и Белоозера до Оленца и Тмутаракани. Это единство проявляется в архитектуре и в эпосе, в украшениях и в резьбе по дереву, в свадебных обрядах и поверьях, в песнях и поговорках, в утвари и одежде, и, наконец, в языковых реликтах.

В этом единстве мы также усматриваем великое наследие киевского периода в русской истории. Сознание единства, связанное с общим происхождением, близостью культуры и языка, общностью религии, историческими традициями киевских времён, никогда не исчезало у великороссов, украинцев и белоруссов. Его не могло уничтожить ни батырово нашествие, ни тяжкое татарское иго, ни вековое господство литовских и польских панов, венгерских магнатов, молдавских бояр, ни тяжкие испытания, выпавшие на долю всех трёх ветвей великого народа русского. Вряд ли можно сомневаться в том, что в IX—X вв. восточное славянство сложилось в единый русский народ.

Итак, на основе древних связей и традиций, на базе этнической общности восточного славянства в условиях возникающего древнерусского государства, на основе общности языка, обычаев «отец своих», законов, идеологии, на основе единства материальной и духовной культуры, совместной борьбы за «землю и веру русскую» начинает возникать сознание единства русского народа³.

¹ См. С. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.-Л. 1946. Рецензия на книгу С. Обнорского Ф. П. Филина, опубликованная в «Вестнике Ленинградского университета» № 10 за 1947 г.; Ф. Филин. Очерки истории русского языка до XIV столетия; его же. Лекенка русского литературного языка древнекиевской эпохи по материалам летописи. «Учёные записки» Педагогического института имени А. И. Герцена. Т. 80. 1949.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 239.

³ См. Д. Лихачёв. Национальное самосознание древней Руси. М.-Л. 1945; С. Богуславский. Русская земля в литературе Киевской Руси XI—XIII вв.

Так, на основе слияния в единый этномассив восточнославянских племён в IX—XI вв. сложился русский народ киевских времён — далёкий предок русской, украинской и белорусской наций. В определении понятия «народ» нет единства мнений. Зачастую термин «русский народ» употребляется для обозначения и русских времён Олега и Игоря и русских наших дней. Это неверно.

Нет сомнений, что ни о каком племенном строе нельзя говорить уже во времена образования Киевского государства.

Говоря о различных этнических образованиях, свойственных различным этапам развития человеческого общества, И. В. Сталин прежде всего определяет понятие племени, указывая на то, что племя является категорией этнографической¹, типом этнического образования, характерным для первобытно-общинного строя.

В период возникновения феодального общества и государства, объединения племён, характерные для последнего этапа первобытно-общинных отношений, уступают место более сложному этническому образованию. В советской исторической и этнографической литературе эти образования получили название народов. «Союз родственных племён становится повсюду необходимостью, а вскоре становится необходимым даже и слияние их и тем самым слияние отдельных племенных территорий в одну общую территорию всего народа»².

Понятие «народ» — широкое понятие и употребляется И. В. Сталиным для обозначения «народности», или «национальности»³. Термин «народ» нельзя противопоставлять термину «народность». Народ не является какой-то особой этнической категорией, возникшей вслед за союзом племён и предшествующей народности⁴. Для обозначения этнического объединения возникающего феодального общества можно употреблять термин «народ», лишь имея в виду то значение этого термина, когда он выступает синонимом «народности»⁵. Русских — времени Киевской Руси IX—XI вв., конечно, нельзя назвать ни племенами, ни союзами племён. В тот период «словенеск язык на Руси» — не просто группа в той или иной степени связанных друг с другом восточнославянских племён, а единый народ, хотя и сохраняющий местные этнические особенности языка, материальной и духовной культуры и др., восходящие ещё ко временам племенного быта.

Таким образом, можно считать установленным, что во времена Киевского государства его население этнически сложилось в единый русский народ, или, что одно и то же, в единую русскую народность. Но процесс дальнейшего этнического объединения, дальнейшего слияния диалектов, материальной и духовной культуры единой восточнославянской народности был прерван феодальным раздроблением Руси и глав-

«Учёные записки» МГУ. Вып. 118, стр. 3—26; Л. Динцес. Историческая общность русского и украинского народного искусства. «Советская этнография». Т. V за 1941 г.; С. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода; Е. Истрина. Рецензия на указанную книгу С. Обнорского. «Вестник Академии наук СССР» № 10 за 1946 год.

¹ См. И. В. Сталин. Соч. Т. 2, стр. 301.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 139.

³ См. И. В. Сталин. Соч. Т. 2, стр. 303; т. 5, стр. 34.

⁴ Последнее утверждение мы находим у А. Д. Удальцова в его труде «Теоретические основы этногенетических исследований». Указ. издание, стр. 255. В статье М. Каммари «Создание и развитие И. В. Сталиным марксистской теории нации» («Вопросы истории» № 12 за 1949 г., стр. 68—69) также имеет место противопоставление народа «как этнографической категории» — народности. Совершенно справедливо полагая, что «народности — это исторически сложившаяся общность людей, возникшая путём объединения и слияния различных племён на базе разложения первобытно-общинного строя и образования классового, рабовладельческого и феодального общества», он в то же время противопоставляет народ народности, хотя нигде не даёт определения этих этнических образований и не указывает, что же отличает их друг от друга.

⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 123.

В этом отношении прав П. И. Кушнер. См. его статью «Учение Сталина о нации и национальной культуре». «Советская этнография» №4 за 1949 г., стр. 5, 6 и сл.

Может быть, во избежание путаницы (русская народность IX—XI вв. и русская народность XIV—XVI вв., хотя эти этнические образования отнюдь не тождественны) следует признать правомерным вслед за термином «древнерусский язык» («древнерусская литература», «древнерусское искусство» и т. п.) и термин «древнерусская народность».

ным образом (этот фактор играл решающую роль) батыевым нашествием, отторжением русских земель, захватом многих русских земель соседними государствами. Русские земли были разорваны, разобщены, изолированы, попали в специфические исторические условия. Естественно, что и русский народ оказался расчленённым, разобщённым, отдельные части его были оторваны друг от друга, разделены политическими границами, обособлены в экономическом отношении.

Все эти исторические условия определили дальнейший путь этнического развития восточного славянства. Пройдя через этап феодальной раздробленности, расчленённые и разобщённые русские с течением времени сложились не в одну народность, как это намечалось в киевский период истории Руси, а в три братские народности (или национальности) славян: собственно русскую (или великорусскую), украинскую и белорусскую.

Проблема складывания украинской и белорусской народностей требует особого рассмотрения. Мы ограничимся постановкой вопроса об образовании великорусской народности, о складывании её в нацию.

В XI в. начинается, а в XII окончательно устанавливается феодальная раздробленность. Процесс слияния восточного славянства в единый народ замедляется, затем прерывается. Старые языковые и этнокультурные особенности, унаследованные от племён и земель Руси и не ликвидированные общностью киевских времён, усложняются новыми, возникающими в период феодальной раздробленности, обусловленными экономической и политической изолированностью русских княжеств. Намечаются этнические образования, соответствующие крупным «самостоятельным полугосударствам»¹ периода феодальной раздробленности, крупным княжествам.

Подобно тому, как Русь — единое Русское государство — уступила своё место отдельным, «самостоятельным полугосударствам» — княжествам, — так и складывавшееся единство русского народа киевской поры уступило своё место изолированности местных этнических образований восточных славян, населению отдельных национальных областей удельной поры: псковичам, новгородцам, нижегородцам, рязанцам и т. д.

В. И. Ленин указывает, что до образования национальных государств существовали «национальные области»². Лингвистам хорошо известно подчас поразительное совпадение границ диалектов русского языка и границ крупных княжеств (Москва, Псков, Новгород, Рязань) периода феодальной раздробленности³. «Для эпохи раннего феодализма характерна территориальная замкнутость и раздробленность восточнославянских наречий и говоров. Объединяющие тенденции ослабевают. Племенные говоры и наречия восточного славянства, прошедшие сквозь сложный процесс смешения с языками дославянского населения Восточной Европы, по-новому кристаллизуются в границах феодальных территорий»⁴.

Псковичи с их особенностями речи (смещение «ч» и «ц», «ш» и «с», «ж» и «з», твёрдое «р», акание, мена «у» и «в»), окающие новгородцы, акающие рязанцы, окающие, но не по-новгородски, «володимерцы» и другие этнообразования периода феодальной раздробленности составляют население «национальных областей» Руси. «Замечательной особенностью диалектной речи является то, что в ней сохраняются пережиточно такие отношения между населением отдельных областей, которые в настоящее время уже не существуют. Древнее новгородское княжество, например, давным-давно сошло с арены истории, однако его границы до сих пор сохраняются в несколько изменённом виде в изоглоссах, пересекающих русский языковый северо-запад»⁵.

Таких примеров много. Период феодальной раздробленности был временем, когда границы русских княжеств расчленили, разделили русский народ. Деление это было

¹ И. Сталин, А. Жданов, С. Киров. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР. «К изучению истории». Сборник, стр. 22. Партиздат ЦК ВКП(б). 1937.

² Ленинский сборник XXX, стр. 62.

³ См. А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка. Ч. 1-я, стр. 110 и сл.

⁴ В. Виноградов. Указ. соч., стр. 10.

⁵ Ф. Филин. Диалектологический атлас русского языка. «Известия Академии наук». Отделение литературы и языка, № 2 за 1940 г., стр. 119.

насаждаемым феодалами сверху, противоречащим стремлениям народных масс. Единство народной (мы отбрасываем специфические особенности местной культуры феодальных верхов отдельных русских княжеств) материальной и духовной культуры продолжается и в XII—XIII вв., и лишь в это время намечается процесс выделения местных особенностей.

Длительное политическое и экономическое обособление русских феодальных княжеств начинает оказывать влияние на население и обуславливает его этнокультурные особенности. Намечается развитие диалектов (псковского и новгородского, московского и нижегородского, рязанского и тверского), появляются некоторые местные черты быта, обычаев и т. п. В это время Русь была раздроблена «на отдельные самостоятельные княжества, которые не только не были связаны друг с другом национальными узами, но решительно отрицали необходимость таких уз»¹.

Говоря об истории русского народа, Н. Г. Чернышевский отмечает, что есть страны, где «части одного и того же народа готовы жертвовать областному интересу национальным единством. У нас этого никогда не было (за исключением разве Новгорода): создание национального единства всегда имело решительный перевес над провинциальными стремлениями».

Развивая эту совершенно правильную мысль, Чернышевский считает необходимым подчеркнуть, что «распадение Руси на уделы было, часто, следствием дележа между князьями... а не стремлений самого русского народа» и «удельная раздробленность не оставила никаких следов в понятиях народа, потому что никогда и не имела корней в его сердце»².

Источники показывают, что носителями сепаратизма и изолированности, «которые и «нестроения», противниками единства Руси, единства русского народа, отрицавшими необходимость национальных уз, были удельные князья, в то время как широкие народные массы города и деревни стремились к объединению, никогда не теряя чувства единства всех русских людей.

Но наступал конец феодальному раздроблению Руси. Как некогда образование из отдельных восточнославянских племён единого русского народа было обусловлено развитием производительных сил, переменами в общественной, социальной и политической жизни Руси, так и позднее, в XIV—XVI вв., на северо-западе и северо-востоке Руси переобразование русского населения «национальных областей» — княжеств — в великорусскую народность было обусловлено сдвигами в развитии производительных сил, ликвидацией системы феодальной раздробленности и образованием централизованного государства.

Развитие земледелия, рост и распространение феодального землевладения, толкавшего феодалов к необходимости организации единого государства для борьбы с крестьянством, рост промыслов и ремёсел, рост общественного разделения труда, развитие внутренней торговли на Руси, а следовательно, ликвидация экономической изолированности отдельных русских земель и начало слияния их в единый хозяйственный организм диктовали необходимость ликвидации феодальной раздробленности. Существующая система государственности вступала в противоречие с развитием производительных сил. Постепенная ликвидация экономической разобщённости отдельных частей Руси подготавливала объединение.

В ряде своих работ И. В. Сталин показывает способ общественного производства, господствовавший на Руси в период образования централизованных государств, и то новое, что возникало в рамках феодальной формации, отмечая, что процесс образования централизованных государств на востоке Европы, в частности, в России, проходил «раньше ликвидации феодализма»³, «в условиях слабо развитого капитализма»⁴, когда «капиталистического развития ещё не было, оно, может быть, только зарождалось»⁵.

И. В. Сталин придаёт большое значение вопросу обороны страны от внешней опасности, ускорившей складывание централизованного государства в России. Он ука-

¹ И. В. Сталин. Соч. Т. II, стр. 336.

² Н. Чернышевский. Соч. Т. II, стр. 541. 1918.

³ И. В. Сталин. Соч. Т. 5, стр. 15.

⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. 2, стр. 304.

⁵ И. В. Сталин. Соч. Т. 5, стр. 34.

зывает, что в Венгрии, Австрии, России «интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия»¹. Так начали объединяться в единое централизованное государство русские земли от Пскова до Нижнего Новгорода и от Заволочья до окраины Дикого Поля.

Другой стороной этого процесса было объединение этнических образований, складывавшихся в удельное время в единую великорусскую народность. Локальные этнические образования периода феодальной раздробленности с их феодально-областными диалектами являлись переоформлением древних племенных объединений с их племенными языками.

Образование великорусской народности происходило на древней племенной территории кривичей (без полоцкой их ветви), ильменских славян, вятичей и северян (в большей части).

Формирование великорусской речи с её местными диалектами происходило на основе севернорусских и отчасти среднерусских диалектов. В состав великорусской речи вошёл также диалект северян, близкий к южнорусским и среднерусским диалектам, и стоящие особняком владими́ро-суздальские говоры.

В процессе складывания великорусской народности приняли участие и балтийские племена (голядь, жившая на р. Протве) и племена финно-угорских языков (меря, весь, мурома), быстро обрусевшие и совершенно (за исключением веси) растворившиеся среди русских, но передавшие им, конечно, некоторые языковые элементы и бытовые черты.

Образование централизованного Русского государства и формирование великорусской народности сопровождают друг друга и являются различными сторонами одного и того же явления. Термин «великорусская» народность, «великороссы» (великоруссы) можно заменить термином «русская» народность, «русские», но я сознательно останавливаюсь на термине «великороссы», так как этим устраняется возможность смешения русского народа (в этническом значении этого слова), или народности киевских времён, и русской народности времён Ивана III и его ближайших преемников.

В. И. Ленин так и озаглавил одну из своих работ: «О национальной гордости великороссов». И. В. Сталин в работе «Марксизм и национальный вопрос» и других постоянно пользуется термином «великороссы»².

Термин «великая Русь», «великороссы» имеет очень древнее происхождение. Термин «великий князь» Киевский, «великий князь» Руси, встречающийся в договорах русских с греками начала и середины X в., и параллельное деление на Русь «Внешнюю» (точнее, «Дальнюю»), а следовательно, и «Внутреннюю» (точнее, «Ближнюю») у Константина Багрянородного, составляющие вместе, очевидно, «Великую Русь», — всё это говорит о чрезвычайной древности понятия «Великая Русь».

Это понятие находит отражение не только в древнейших русских литературных памятниках («Сказание о Борисе и Глебе»), но и очень давно, с XII в., встречается в зарубежной литературе³. В XIII в. термин «Великая Русь» закрепляется за северной частью русских земель, хотя ещё в XIV в. он употребляется и для обозначения всей Руси в целом. Лишь в XVI в. «Великой Россией» стала именоваться только Московская Русь, от Пскова до Оби и от Студёного моря до Дикого Поля. Население её получило наименование «великороссов». Впервые термин «великороссы» встречается в сочинении Памвы Беринды (1627)⁴.

Каким же путём шло формирование великорусской народности? В основе процесса образования великорусской народности лежат экономические явления. Значение экономического фактора в объединении Руси в единое государство не раз подчёркивал И. В. Сталин⁵. Об экономической необходимости создания национального государства писал В. И. Ленин⁶. Экономическое общение отдельных русских земель, областей и

¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 5, стр. 34.

² См. И. В. Сталин. Соч. Т. 2, стр. 304; т. 5, стр. 36.

³ См. А. Соловьёв. Великая Малая и Белая Русь. «Вопросы истории» № 7 за 1947 год.

⁴ См. там же, стр. 36.

⁵ См. И. В. Сталин. Соч. Т. 9, стр. 176; см. также «Правда» от 7 сентября 1947 года.

⁶ См. Ленинский сборник XXX, стр. 62.

княжеств, политические их связи между собой являются основой образования великорусской народности, или национальности.

В период образования централизованного государства в России нация не могла сложиться, ибо она категория, исторически возникающая в период поднимающегося капитализма. Во времена образования единого Русского государства складывалась русская национальность. Это понятие И. В. Сталин распространяет на этнические образования, непосредственно предшествующие нации; он пользуется термином «национальность» для обозначения этнического объединения, существовавшего ещё в период феодализма. Так, например, в работе «Марксизм и национальный вопрос» И. В. Сталин говорит: «На Востоке сложились междунациональные государства, государства, состоящие из нескольких национальностей»¹. В той же работе, говоря о России как о междунациональном государстве, он подчёркивает, что «в России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы»².

В докладе «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» И. В. Сталин указывает, что «так как на востоке Европы процесс появления централизованных государств шёл быстрее процесса складывания людей в нации, то там образовались смешанные государства, состоявшие из нескольких народов, ещё не сложившихся в нации, но уже объединённых в общее государство»³. Сопоставляя эти указания И. В. Сталина, мы приходим к выводу, что в данном случае терминами «национальность» и «народ» он пользуется альтернативно.

Понятию «национальность» в узком смысле слова соответствует «народность». В работе «Марксизм и национальный вопрос» И. В. Сталин называет ряд кавказских народов: осетин, мингрельцев, абхазцев и других — народностями⁴, а в докладе на X съезде РКП(б) их же именует национальностями⁵. Следовательно, терминами «национальность» и «народность» можно пользоваться альтернативно.

Говоря о России как тюрьме народов, И. В. Сталин пользуется терминами «народность» и «национальность» альтернативно, и оба эти понятия употребляются как равнозначные понятию «народ», или, вернее, термин «народ» употребляется для обозначения «народности», или «национальности»: «Многочисленные нерусские народности царской России были совершенно бесправны... Царское правительство стремилось задуть всякое проявление национальной культуры, проводило политику насильственного «обрусения» нерусских национальностей. Царизм выступал в качестве палача и мучителя нерусских народов»⁶.

Следовательно, термин «народ» в работах И. В. Сталина применяется для обозначения «национальности» или «народности» как понятий равнозначных. Мы знаем, что термин «народ» И. В. Сталин употребляет и для обозначения нации⁷. Следовательно, термин «народ» в работах И. В. Сталина выступает в широком смысле этого слова и употребляется для обозначения различных этнических образований (и национальностей и наций).

Итак, мы можем констатировать, что И. В. Сталин употребляет термин «национальность» (заменяя его тождественным понятием «народность», или более широким «народ») для обозначения объединения, непосредственно предшествующего нации. И. В. Сталин подчёркивает это, указывая, что «своеобразный способ образования государств мог иметь место лишь в условиях неликвидированного ещё феодализма, в условиях слабо развитого капитализма, когда отторгнутые на задний план национальности не успели ещё консолидироваться экономически в целостные нации»⁸.

Энгельс также считал национальность этническим образованием, предшествующим нации. Он писал: «Как только произошло разграничение на группы по языку... вышло

¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 2, стр. 303.

² Там же, стр. 304.

³ И. В. Сталин. Соч. Т. 5, стр. 34.

⁴ См. И. В. Сталин. Т. 2, стр. 349—350.

⁵ См. И. В. Сталин. Т. 5, стр. 47.

⁶ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 6.

⁷ См. И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 30, 196. 1949.

⁸ И. В. Сталин. Соч. Т. 2, стр. 304.

само собой, что эти группы стали служить основой образования государств, что национальности стали развиваться в нации»¹.

Таким образом, складывание русской национальности происходило ещё в период феодальный, в процессе ликвидации феодальной раздробленности, т. е. в XIV—XVI веках. В этот период уже существовали отдельные элементы нации — язык, территория, русская культурная общность. «Конечно, элементы нации — язык, территория, культурная общность и т. д. — не с неба упали, а создавались исподволь, ещё в период докапиталистический. Но эти элементы находились в зачаточном состоянии и в лучшем случае представляли лишь потенцию в смысле возможности образования нации в будущем при известных благоприятных условиях»².

Во второй половине XV и в XVI в. складывается общерусский (великорусский) язык, в основу которого была положена речь Москвы. К этому же времени относится установление территориальной общности великорусов³. «Собирание» Руси завершается созданием в княжение Ивана III единого Русского государства⁴, государства великорусской национальности, быстро идущего по пути централизации, по пути консолидации самодержавного строя. Общность территории великорусской народности была закреплена успешной объединительной политикой правительства Ивана III и его сына, успешной борьбой их за «отчины и дедины».

Ко второй половине XIV в. относится быстрое развитие национального самосознания, подъём патриотических чувств⁵. Огромную роль в этом отношении сыграла Куликовская битва, явившаяся величайшим фактором идеологической подготовки образования великорусской национальности. В процессе объединения Руси в единое государство большое значение имело «национальное пробуждение»⁶.

Национальное пробуждение, следовавшее за Куликовской битвой, стимулировало развитие русской культуры. Оно шло по пути установления общерусских норм и форм в живописи и архитектуре, в литературе и фольклоре, по пути развития «живства». Глубокий интерес к родной старине, восстановление старинных архитектурных памятников, общерусские летописные своды, былинный эпос, пронизанный идеей «единчества» Русской земли, дальнейшее развитие в народе никогда не угасавшей идеи единства Руси и т. д. и т. п. — всё это свидетельствует о складывании и развитии общерусской яркой и красочной самобытной материальной и духовной культуры⁷.

В конце XV — начале XVI в. на основе общности языка, территории, психического склада, сказывающейся в общности культуры, складывается великорусская народность, или русская национальность. По отношению к этому периоду мы не можем ещё говорить о русской нации, хотя налицо имелся уже ряд признаков, определяющих нацию. И. В. Сталин подчёркивает, что «только наличие всех признаков, взятых вместе, даёт нам нацию». «Достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией»⁸.

Чего же не хватало русской национальности в рассматриваемый период для того, чтобы превратиться в нацию? И. В. Сталин указывает, что своеобразный способ образования государств на востоке Европы имел место в условиях ещё не ликвидированного феодализма, когда национальности не успели ещё экономически консолидироваться в нации. Этим самым он выдвигает на первое место экономический фактор.

В другой работе, «Национальный вопрос и ленинизм», говоря об элементах нации, создававшихся исподволь, ещё в период докапиталистический, т. е. феодальный, И. В. Сталин считает необходимым отметить язык, территорию, культурную общность, но не говорит о таком элементе нации, как общность экономической жизни, как эко-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 444.

² И. В. Сталин. Соч. Т. II, стр. 336.

³ См. М. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности. Ленинград. 1929.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 450.

⁵ Термин «национальное самосознание» я употребляю в смысле сознания единства людей, принадлежащих к данной национальности, единства её культуры, психического склада и т. д.

⁶ Ленинский сборник XXX, стр. 62.

⁷ См. Д. Лихачёв. Культура Руси эпохи образования национального государства. Л. 1946; его же. Национальное самосознание древней Руси. М.-Л. 1945.

⁸ И. В. Сталин. Соч. Т. 2, стр. 297.

номическая связанность, ибо её в полном смысле этого слова ещё не было в период образования великорусской (русской) национальности.

О национальных связях «в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные «земли», частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д.»¹, — так определяет этот период в русской истории В. И. Ленин.

Когда же русская национальность стала складываться в русскую нацию? «Потенция превратилась в действительность лишь в период поднимающегося капитализма с его национальным рынком, с его экономическими и культурными центрами». И для подкрепления своей мысли И. В. Сталин приводит «замечательные слова Ленина по вопросу о возникновении наций»². В. И. Ленин писал: «Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями... и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным как созданием связей буржуазных»³.

Таким образом, И. В. Сталин для ответа на вопрос, как и когда складывалась русская нация, считает необходимым привести замечательную мысль Ленина, в которой мы находим указание на новый период русской истории, на время складывания всероссийского, национального рынка, создания национальных, буржуазных связей, как на время формирования русской нации.

Итак, в XVII в. создаются национальные связи, которые были прежде всего связями экономическими, торговыми. Установление национальных связей есть не что иное, как ликвидация «экономической раздробленности», установление «экономической связности»⁴ — создание всероссийского рынка, если речь идёт об экономике, о народном хозяйстве страны. На базе развития торговых буржуазных связей складывается всероссийский, национальный рынок и создаются национальные связи — основа формирующейся нации.

Так великорусская народность (русская национальность) начинает складываться в русскую нацию. Этот процесс является следствием установления экономической общности как одного из весьма существенных признаков, определяющих нацию⁵. При этом следует учитывать, что «крепостное общество всегда было более сложным, чем общество рабовладельческое. В нём был большой элемент развития торговли, промышленности, что вело ещё в то время к капитализму»⁶.

Как же складывается русская нация? «Нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определённой эпохи, эпохи поднимающегося капитализма»⁷.

XVII век — период складывания буржуазных связей, роста товарно-денежных отношений, образования всероссийского рынка. XVII век — время бурного развития кустарных промыслов, первых мануфактур, Новоторгового устава, меркантилизма, время спорadicеского возникновения отдельных элементов капитализма, зарождения буржуазных тенденций⁸.

Возникавшие с течением времени на всё более расширенной основе отдельные зародыши капиталистических элементов превращаются в капиталистический уклад. Отмена внутренних таможенных сборов свидетельствовала о давно завершившемся эконо-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 137.

² И. В. Сталин. Соч. Т. 11, стр. 336.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 137—138.

⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. 2, стр. 295.

⁵ См. там же.

⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 371. 3-е изд.

⁷ И. В. Сталин. Соч. Т. 2, стр. 303.

⁸ В статьях Н. Дружинина и покойного К. Базилевича, помещённых в журнале «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., с этой точки зрения, даётся правильная оценка эволюции экономики России в XVII—XVIII веках.

мическом объединении России; внутренние таможенные сборы к середине XVIII в. были уже архаизмом. 20 декабря 1753 г. императрица Елизавета повелела «все таможи, имеющиеся внутри государства, кроме торговых и пограничных, уничтожить»¹.

Торгово-хозяйственное слияние Украины и России, хозяйственное освоение Сибири на началах тесной экономической связи с Россией, прокладка Охотского тракта через Сибирь, развитие и перестройка ярмарок, торги и кредит, торговое законодательство и судопроизводство, коммерческое образование и купеческий банк (1754), Медный банк (1757), купеческие фирмы и векселя — всё это свидетельствует, что процесс объединения местных рынков в один всероссийский рынок завершился². Но, как видим, корни этого явления уходят в XVII и даже XVI в. так же, как и истоки капиталистической мануфактуры в России скрыты в крестьянских кустарных промыслах XVI—XVII веков³.

Наёмный, отчасти даже вольнонаёмный труд и производство продукции на рынок имели место ещё на тульских и каширских железоделательных заводах XVII века. Значки капиталистического производства характерны для петровской промышленности⁴. Не приходится уже говорить о середине XVIII в., когда в недрах крепостной системы из бесправных крепостных крестьян-кустарей вырастают капиталисты-предприниматели, эксплуатирующие в своей «светёлке» крестьян-оборочников (Алексеевы, Грачёвы, Бурылины и др.). Тогда же возникает купеческая капиталистическая мануфактура, основанная на наёмном труде (Зимины, Баташевы, Мосоловы, Турчаниновы и др.)⁵.

Следовательно, экономические явления, свойственные заре капитализма, имеют место в России в XVII — начале XVIII века. К этому времени следует отнести и формирование великороссов в нацию. Этот новый период в истории России характеризует подъёмом национального самосознания.

XVII век начался «смутой», «великим московским разорением». Интервенция и сопутствующее ей «всёконечное разорение», угроза ликвидации национальной независимости Руси вызвали невиданный подъём патристических чувств. Во временниках, повестях и сказаниях о «смутном времени» резко порицаются «разность» и «нестроение» на Руси, приведшее к «погибели». Литературные памятники той поры говорят о всенародном, «земском деле», о «всей земле». Они проникнуты сознанием силы народных масс, сознанием своего значения в государственной жизни страны⁶. Общеизвестны так называемая «переписка городов», бесчисленные выступления против интервентов и, конечно, народное ополчение Минина и Пожарского.

Очень силен был толчок, данный развитию национального самосознания русского народа борьбой с польско-шведской интервенцией. В борьбе с бесчисленными «ворогам» ещё ярче проявились и оформились особенности психического склада русского народа: стойкость, мужество, любовь к родине, дух единства.

Установление общности экономической жизни, развитие на этой основе национальных связей, развитие общественных связей не могли не отразиться на языке. В XVII в. происходят изменения в самом русском языке. Отмечаются местные, специфические и, наоборот, концентрируются общерусские национальные элементы. Московский язык деловой литературы, всё больше отделяясь от языка славяно-русского, выступает в качестве общенационального. На основе синтеза живой народной речи, с её диалектами, областными и социальными, языка фольклора, государственного письменного языка, т. е. языка деловой литературы, начинает складываться национальный русский язык⁷.

Отделение при Петре I светского и литературного языка от церковно-славянского и в то же время засорение русского языка «чужеземными словесами», устранение языковой пестроты, народная речь, завоёвывающая литературный язык, очищение русского языка Ломоносовым, призывавшим к «рассудительному употреблению чисто рус-

¹ И. Кулишер. История русской торговли, стр. 235. П. 1923.

² См. там же, стр. 244—247.

³ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 377—445. 4-е изд.

⁴ См. Е. Заозерская. Мануфактура при Петре I. М.-Л. 1947.

⁵ См. Н. Рубинштейн. Крепостное хозяйство и зарождение капиталистических отношений в XVIII в. «Учёные записки» Московского университета. Вып. 87. История СССР.

⁶ См. Д. Лихачёв. Национальное самосознание древней Руси, стр. 112—119.

⁷ См. В. Виноградов. Указ. соч.

сийского языка», — таковы пути развития национального русского языка в XVII — первой половине XVIII века.

Это было следствием и одним из условий «полной победы товарного производства», так как для этого «необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе»¹. Это сплочение началось давно, ещё в XV в., но экономически завершилось лишь в XVII и первой половине XVIII в., вызвав соответствующую эволюцию русского языка.

Так в «новый период русской истории (примерно с 17 в.)» (Ленин) формируется русская нация, «исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»².

Подводя итог, нужно подчеркнуть, что понятие «русский народ» — широкое понятие, являвшееся в определённое время синонимом всего восточного славянства, объединённого в единый народ на основе слияния отдельных племён. Позднее понятие «русский народ» — синоним русской (великорусской) национальности (народности) и нации.

Можно установить следующие этапы этнического развития русского народа, а следовательно, эволюции термина «русский народ».

1. «Русский народ» IX—XI вв. — это всё восточное славянство, объединённое в единую (хотя элементы бывшего племенного деления ещё очень сильны и в языке, и в материальной и духовной культуре, обычаях и т. п.) восточнославянскую, русскую народность (национальность). Быть может, во избежание путаницы («русская народность» IX—XI вв. отнюдь не равнозначна «русской — великорусской — народности» XIV—XVI вв.) правильнее было бы ввести понятие «древнерусская народность».

2. «Русский народ» в XII—XIV вв. выступает в несколько ином значении. В период феодальной раздробленности наблюдается идущая сверху, от феодалов, тенденция расчленив единый русский народ, что противоречит стремлению народных масс к единству. Намечаются этнокультурные особенности «национальных областей» (Ленин) — крупных княжеств, «самостоятельных полугосударств» (Сталин) Руси. Происходит деление Руси на части, обусловленное историческими условиями (батыево нашествие, захват русских земель враждебными государствами, расчленение Руси и т. п.). Созданные феодальной раздробленностью, татарским завоеванием и интервенцией соседних народов³ политические границы (а следовательно, границы языка, быта, культуры) не нарушают единства «русского народа» (восточного славянства) полностью. Единство материальной и духовной культуры, самое сознание единства Руси и русских сохраняются. Сохраняется и термин «русский народ» в обозначении всего восточного славянства. В то же время намечаются процессы, приводящие к складыванию больших этнических массивов — великорусской, украинской и белорусской народностей.

3. «Русский народ» XIV—XVI вв. — это русская (великорусская) национальность (народность). В процессе объединения Руси складывается единство языка, территории и психического склада, проявляющееся в общности культуры. Понятия «русские», «Русь», «Россия» закрепляются за великороссами, Великой Русью. Зарождаются элементы нации.

4. «Русский народ» XVII—XVIII вв. — это интенсивно формирующаяся русская нация. Вместе с установлением экономической общности русских земель, возникновением и развитием в «новый период русской истории» (XVII в.) всероссийского, национального рынка, вместе с возникновением капиталистических элементов (XVII в.), а затем и капиталистического уклада (XVIII в.), с установлением национальных связей происходит складывание русского народа в нацию.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 368.

² И. В. Сталин. Т. 2, стр. 296.

³ К. Марх. Secret diplomatic history of the eighteenth century, p. 77. L. 1899.